

Чистый, глубокий голос гуция внезапно нарушил относительную тишину обеденного зала. Немногие присутствующие — благо время для трапезы еще не подошло — удивленно обернулись на звук.

Цзинь Цин смущенно отдернул руки от струн. Он так давно не держал в руках гуция! Столкнувшись с ним впервые в этой новой эпохе, юноша просто не совладал с порывом и случайно заставил инструмент заговорить.

— Пойдем, — негромко предложил он, покосившись на Элвиса. На щеках Цзинь Цина проступил легкий румянец — сейчас собственное ребячество казалось ему ужасно неловким.

Элвис понимающе кивнул, собираясь ответить, но договорить ему не дали — неподалеку раздался чей-то глумливый, вызывающий голос:

— Надо же, а я-то думал, на этой штуковине в древности бряцали только изнеженные бабенки. Не ожидал увидеть за бабским инструментом мужика.

Заговоривший был довольно смазлив лицом, но вот его прическа... Короткие каштановые волосы, зализанные назад, топорщились нелепым гребнем, напоминая забор. Наряд на нем висел какими-то лохмотьями, словно готовый вот-вот осыпаться к ногам лоскутами ткани, зато на ногах сияли лакированные, начищенные до зеркального блеска туфли. Образ этого пижона от макушки до пят можно было описать одним-единственным словом — нелепость.

Цзинь Цин не оценил столь экстравагантного стиля, но судить чужие вкусы не собирался. На откровенную провокацию он ответил лишь равнодушным взглядом, после чего развернулся, намереваясь уйти. Юноша обругал себя за беспечность: он слишком расслабился за последнее время и напрочь забыл о конспирации. Ладно его собственное лицо, которое в последнее время все чаще мелькало на экранах, но ведь рядом стоял Элвис! Этого человека знала вся вселенная. Если их застукают вдвоем на одном пассажирском космическом корабле, в виртуальной сети начнется настоящий апокалипсис.

Но просто уйти ему не дали. Равнодушное игнорирование задело наглеца сильнее любой оплеухи. Сделав пару стремительных шагов, пижон бесцеремонно схватил Цзинь Цина за запястье и резко рванул на себя.

Цзинь Цин никак не ожидал такой наглости. Потеряв равновесие, он невольно отшатнулся назад, за спину задиры. Теперь, чтобы выбраться из тупика, ему пришлось бы протискиваться прямо мимо этого нелепого субъекта.

Цзинь Цин медленно поднял голову, он нахмурился.

— Слышь, ты! Я тебе советую не нарываться, усек?! — взревел парень, резко разворачиваясь.

Его самолюбие было уязвлено до глубины души. Больше всего на свете этот индюк ненавидел, когда его не замечали, а тут какой-то безродный выскочка смеет воротить нос! Он вскинул руку, намереваясь ткнуть пальцем прямо в лицо оппоненту и засыпать его отборной бранью, но, едва взглядевшись в лицо Цзинь Цина, подавился словами. Рука так и осталась нелепо висеть в воздухе.

— Ты... ты... же... — пробормотал он, потрясенно таращась на юношу. — Черт, а ведь лицо у тебя знакомое...

И тут тишину зала взорвал восторженный визг:

— Цзинь Цин! Мамочки, это же Цзинь Цин! А-а-а-а-а!!!

— Господи, неужели это правда он?! Скажите, что я не сплю!

— Обалдеть! Цин-Цин в жизни еще круче, чем на экране! Поверить не могу, что просто летела на отдых и встретила своего кумира! Боже, боже, боже мой!

— Цин-Цин, я люблю тебя! А-а-а-а!

Зал мгновенно наполнился многоголосым девичьим визгом. Цзинь Цин обреченно коснулся кончика носа, но тут же совладал с собой, обернулся к восторженным фанаткам и, тепло улыбнувшись, вежливо кивнул:

— Спасибо вам за поддержку.

От его мягкого голоса девчонки зашлись в новом экстазе. Гвалт и визги начали доноситься далеко за пределы столовой, привлекая внимание скушающих пассажиров из коридоров. Ведомые вечным человеческим любопытством, люди толпами повалили в зал и тут же уперлись взглядами в виновника переполоха. Новоприбывшие потрясенно ахали, прижимая ладони к губам, и во все глаза пялились на Цзинь Цина — казалось, дай им волю, и они толпой набросятся на своего кумира.

Тем не менее, поклонники все же сохраняли остатки самообладания. Благоговейный трепет перед звездой мешал им подойти вплотную, поэтому они просто сомкнули вокруг юноши живое восторженное кольцо. С одной стороны, это полностью отрезало Цзинь Цину пути к бегству, но с другой — надежно скрыло от любопытных глаз того, кто остался за пределами этого круга. Вселенского бога.

Цзинь Цин незаметно скользнул взглядом по сторонам. По сравнению с ним, неопытным новичком, Элвис владел искусством маскировки в совершенстве. Мужчина укрылся в тени зала, низко нахлобучив бейсболку, козырек которой надежно прятал лицо. Он полностью подавил свою обычно мощную ауру, так что теперь, не подойдя вплотную, узнать в нем

великого пилота было решительно невозможно.

Почувствовав на себе взгляд друга, Элвис прижал указательный палец к губам, заговорщически подмигнув. Этот жест выглядел настолько обезоруживающе простым и даже ребяческим, что совершенно не вязался со статусом Вселенского бога.

Цзинь Цин мысленно вздохнул и вернул внимание к своему недавнему оппоненту.

— У вас остались ко мне какие-то вопросы? — ровно спросил он.

Задира к этому моменту тоже наконец прозрел. Сердце у него ушло в пятки, а лицо залила краска. Перед ним стоял сам Цзинь Цин! Да он же каждую неделю, прильнув к экрану, смотрел «Сильнейшего командующего Федерации»! Как, черт возьми, он умудрился не узнать его сразу?! Если бы он только понял раньше, если бы только...

Осознав всю глупость своего положения, парень поспешно опустил нелепо зависшую в воздухе руку и торопливо спрятал ее за спину, словно напроказничавший ребенок.

Затем он резко вскинул голову и, запинаясь от волнения, выдал:

— Т-ты... ты... ты правда умеешь играть на гуцине?!

Этот парень жил скандалами. Стоило ему заметить хоть малейший повод для придирки, как он вцеплялся в него мертвой хваткой и шел до победного конца. Мелкие склоки были его страстью, наполняли серые будни смыслом и, как ему казалось, дарили бесценный жизненный опыт. Но сейчас, перед лицом настоящей звезды, вся его бывшая спесь мгновенно улетучилась. Впрочем, в глубине души все еще тлело глупое, упрямое тщеславие: если он доведет дело до конца, это станет его звездным часом! Он будет гордо заявлять, что лично читал нотации знаменитости!

Цзинь Цин окинул его недоуменным взглядом. Ладно, если бы этот тип продолжал брызгать слюной и строить презрительные гримасы — тогда разговор был бы коротким. Но сейчас перед ним стояло недоразумение, которое даже связать двух слов не могло от страха.

— Немного, — спокойно подтвердил Цзинь Цин.

Услышав подтверждение, парень воспрянул духом, словно ему вкололи дозу адреналина. На его лицо тут же вернулась самодовольная ухмылка:

— Ха! Ну я же говорил! На гуцине испокон веков бряцали только изнеженные девицы. Раз ты взялся за эту девчоночью забаву, значит, сам такой же слабак!

Стоило этой глупости сорваться с его губ, как толпа фанатов взорвалась негодованием. Девушки наперебой принялись честить наглеца на все корки, не жалея крепких словечек.

Цзинь Цин лишь искренне изумился:

— Парень, твою логику в детстве собаки покусали?

В зале на миг повисла ошарашенная тишина, которая тут же сменилась громом хохота. Эта короткая, бьющая без промаха реплика оказалась куда больнее и обиднее любых девичьих криков. Но именно поэтому фанаты пришли в полный восторг!

— Цин-Цин, ты просто мастер язвительных замечаний! Срезал так срезал! — раздалось из толпы.

Цзинь Цин мысленно вздохнул: сомнительный, конечно, комплимент.

Зато толпа окончательно переключила все свое внимание на незадачливого критика.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! Проваливай отсюда, чучело!

— Точно, катись колбаской! Раскорячился тут посреди зала, только обзор загораживаешь!

— Пошел вон!

Толпа пришла в движение, и незадачливого скандалиста дружно, но без лишнего рукоприкладства вытолкали за пределы кольца. Остроумный отпор кумира уже подарил фанатам сладкое чувство победы, поэтому марать руки о глупца никто не захотел.

Очутившись на задворках, парень растерянно огляделся вокруг. Цзинь Цина за спинами фанатов было уже не разглядеть. Он стоял, глупо моргая и пытаясь осознать, как за пару секунд его триумфальный наезд превратился в позорное фиаско. Единственным осязаемым итогом этой стычки стало то, что его ультрамодные лохмотья теперь свисали с плеч еще более жалкими обрывками.

А в самом центре круга Цзинь Цин, точно ясный месяц в окружении ярких звезд, купался во всеобщем обожании. Практически все его преследователи оказались девушками, и юноша невольно ощутил легкое смущение. Оказаться в плотном кольце щебечущих девиц — опыт для любого мужчины, надо признать, весьма специфический.

Цзинь Цин продолжал мягко улыбаться. Заметив, что первый шквал восторгов улегся и повисла неловкая пауза, он мягко взял инициативу в свои руки:

— Дамы, я, признаться, еще даже не успел позавтракать, да и у вас наверняка полно своих дел на борту. Стоять так весь день — не лучший вариант. Давайте договоримся: я выполню одну вашу просьбу, а вы за это отпустите меня с миром, идет?

— Прямо-прямо люблю?! — взвизгнула одна из девчонок. Ее взгляд загорелся таким хищным огнем, словно она была готова съесть кумира живьем прямо на месте.

Цзинь Цин лишь шутливо погрозил пальцем:

— Ну-ну, без глупостей! Только автограф или совместное фото.

— Божечки-кошечки, он сказал мне «без глупостей»! Я сейчас умру от счастья! — взвыла девица и в порыве чувств повисла на шее у подруги, неистово колотя ту кулачками по спине. Подруга лишь обреченно приобняла безумицу, хотя и в ее глазах, устремленных на Цзинь Цина, горел точно такой же лихорадочный блеск.

Разумеется, банальные росчерки на бумаге и селфи не могли утолить аппетиты изголодавшихся по зрелищам фанатов. Из толпы тут же донесся звонкий голос:

— Цин-Цин! Тот придурок утверждал, что ты умеешь играть на гучине. Сыграешь для нас?

Идея мгновенно увлекла остальных. В нынешний безумный век, когда технический прогресс несясь вперед на космических скоростях, культура незаметно сдавала позиции, уходя в небытие. О существовании древнего гучиня знали многие, но из-за утерянных старинных аппликатур и канувших в лету партитур тех, кто действительно владел инструментом, можно было пересчитать по пальцам. Большинство довольствовалось лишь передающимися из уст в уста глупыми стереотипами — вроде той сказочки о нежных барышнях былых эпох.

— Ну, даже не знаю... — замялся Цзинь Цин.

Его реальные навыки едва дотягивали до среднего уровня. Попозировать перед камерой на съемках, чтобы потом звукорежиссеры наложили безупречную профессиональную дорожку — в этом он был хорош и выглядел на экране настоящим виртуозом. Но играть вживую перед искушенной публикой, без всякой подготовки... Юноша всерьез опасался сесть в лужу.

В этот момент один из стюардов, проявив чудеса предупредительности, самолично подкатил столик с инструментом и сжал кулаки в ободряющем жесте:

— Пожалуйста, покажите класс! Никогда бы не подумал, что доживу до момента, когда этот гучинь в нашем зале наконец заговорит. Тот первый аккорд прозвучал просто невероятно!

«Первый аккорд? Да я просто пальцем по струнам провел», — мысленно усмехнулся Цзинь Цин, испытывая легкую неловкость.

Юноша опустил взгляд на инструмент, бережно принял его обеими руками и с благоговением водрузил на стол. Стоило подушечкам пальцев коснуться прохладных струн, как в груди возникло щемящее чувство дежавю. Он играл сотни раз в своей прошлой жизни, но и помыслить не мог, что однажды будет извлекать музыку из дерева и шелка на борту космического корабля, несущегося сквозь ледяную пустоту. Мысль о том, что уже завтра корабль достигнет Земли, принесла удивительное умиротворение. Тревоги отступили, уступая место глубокому, детскому ощущению безопасности — словно его ласково обняла мать.

Опустившись на скамью, он занес ладони над струнами. Пальцы скользнули по натяжению, совершая мягкие, выверенные движения, и пространство зала наполнилось чарующими звуками пьесы «Вступление в прекрасную ночь».

Плавные, хрустально-чистые переливы струн уносили слушателей прочь из металлического нутра корабля, увлекая в тихую, безмятежную ночь. Туда, где высоко в небе горели редкие крупные звезды, а дневная суета растворялась без следа. В этой первозданной тишине одинокий путник неторопливо брел по тенистому саду. Прохладный ночной ветерок мягко касался лица, принося желанное освежение и покой, и это мимолетное видение баюкало разум, заставляя забыть о невзгодах и не желая отпускать из своих объятий.

В кружево звуков тонко вплетались шорох облетающей листвы, далекие сонные трели птиц и мерный шепот цикад. Музыка дышала самой жизнью, проникая в самые сокровенные уголки души.

Финальный аккорд растаял в воздухе, но Цзинь Цин еще долго сидел неподвижно, не желая разрушать очарование момента. Уже завтра он ступит на твердь Земли. Первым делом он отправится в родные края — пусть даже его далекая родина теперь наверняка разительно отличается от той колыбели человечества, которую он помнил.

Цзинь Цин вежливо поклонился собравшимся и извинился, дав понять, что ему пора идти. Слушатели, все еще замороженные дивной мелодией, не стали удерживать своего кумира. Они лишь тихо улыбались, провожая его взглядами и вполголоса желая доброго пути.

Выскользнув из зала, Цзинь Цин тут же соединился с Элвисом. Стараясь не привлекать внимания, они поспешили скрыться в уединенной VIP-зоне, где были надежно защищены от назойливых глаз.

А поздней ночью в глубинах виртуальной сети бесшумно появилась короткая любительская запись. Те немногие, кто первыми наткнулся на это видео, хранили его как драгоценное сокровище, спеша поделиться чудом лишь с самыми близкими друзьями и родными. Лавина восторгов нарастала, и вскоре запись с невероятной скоростью начала завоевывать сердца пользователей по всей галактике.